

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА — МЕЗОЛИТА УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Б. Сериков,

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет (филиал в Нижнем Тагиле),
г. Нижний Тагил, Российская Федерация*

Все выявленные на Урале культовые памятники эпохи палеолита связаны со скальными образованиями. Чаще всего таким природным объектом, вписанным в сакрализованное пространство, являлась пещера. Самой яркой из них является Капова пещера с ее реалистическими палеолитическими росписями. К другому типу относятся пещерные святилища с демонстрационными комплексами из черепов плейстоценовых животных (медведя, льва, дикой лошади). Такие комплексы зафиксированы как на Южном (пещеры Заповедная, Сикияз-Тамак I), так и на Среднем (пещеры Кумышанская, Тайн, Малютка) Урале.

Культовые памятники эпохи мезолита с одной стороны продолжают палеолитическую традицию использования для ритуалов рисунков в пещерах (грот Большой Глухой, возможно, Игнатиевская пещера). С другой стороны появляются пещерные святилища, в которых основную роль выполнял ритуал в виде стрельбы из лука в сторону пещеры. Стрелы в данном ритуале являлись жертвенным даром духу пещеры, но при этом их семантическое наполнение могло быть разным. Этот ритуал наиболее ярко проявился в уникальном пещерном святилище на камне Дыроватом (р. Чусовая), где найдено свыше 5 тысяч костяных и каменных наконечников стрел эпохи мезолита.

Новым типом культовых памятников этого времени являются святилища на так называемых шиханах — нагромождениях гранитных валунов высотой до 10 м. Такие святилища выявлены на берегах Шайтанского озера в Свердловской области. Еще один тип культовых мезолитических памятников можно найти у подножья скал с нанесенными на них рисунками.

Для изучения неординарных культовых памятников палеолита и мезолита необходима разработка комплексных программ исследования, а также создание коллективов специалистов, занимающихся исследованиями данных святилищ.

Ключевые слова: культовые памятники, пещера, скала, шихан, наскальная живопись, череп, стрела.

Сакральная сфера древнего населения Урала представлена культовыми памятниками всех эпох от верхнего палеолита до средневековья. Однако количество и типы культовых памятников для каждой из эпох различны. С каждым десятилетием наши представления о символической деятельности древнего населения расширяются и появляются новые материалы, свидетельствующие о многогранности и разнообразии ритуально-культовой практики древнего населения Урала.

Урал — горная страна, поэтому не удивительно, что основными элементами сакрализации становились различные скальные образования: горы, скалы, пещеры, отдельные камни и их скопления. Причем в первую очередь сакральную нагрузку приобретали объекты, выделяющиеся какими-то особенностями.

Самым первым природным объектом, вписанным в сакрализованное пространство, явилась пещера (грот). До 1959 г. на Урале не было известно ни одного палеолитического святилища, да их, собственно, и не искали. В 1959 г. зоолог А. В. Рюмин неожиданно открыл в Каповой пещере (Шульган-Таш) (р. Белая, Республика Башкортостан) палеолитические рисунки, после чего все сразу заговорили об уникальности этого пещерного святилища. Однако комплексного и полноценного исследования так и не было проведено. Изучением Каповой пещеры

занимались и продолжают заниматься отдельные специалисты, а не коллективы. Сначала О. Н. Бадер (1960—1978) и В. Е. Щелинский (1982—1991), затем Т. И. Щербакова (2004—2005), а с 2008 г. (с перерывами) В. С. Житенев (Москва) и В. Г. Котов (Уфа) [5]. Единственным исключением являются комплексные работы группы Всероссийского геологического института РАН (Санкт-Петербург) под руководством Ю. С. Ляхницкого (1995—2004, с перерывами), в результате которых были получены интересные результаты [8].

Удивительно, но за полвека исследований вскрытая раскопками площадь в пещере составляет всего около 100 кв. м. Комплексной программы исследования Каповой пещеры как не было, так и нет. Нет и коллектива, который специализировался бы на ее изучении.

Возможно, данная ситуация частично объясняется и тем, что у нас в стране до сих пор мало археологов, специализирующихся на изучении памятников культового характера. Археологи всегда имеют дело с *материальными* остатками древней жизни во всех ее аспектах: быт, производство, хозяйство, духовная культура. Именно поэтому они в основном и занимаются описанием, систематизацией, классификацией и т.п. остатков материальной культуры. Духовная культура древних обществ практически всегда остается на заднем плане. Особенно это характерно

для археологии каменного века. В этом легко убедиться, ознакомившись с монографическими сводными публикациями по этому периоду. В 1-м томе («Палеолит СССР») 20-томной археологии СССР поздний палеолит Кавказа и азиатской части СССР отдельного очерка по духовной культуре вообще не удостоились. А в томе «Мезолит СССР» духовная культура совсем не упоминается.

Еще одна сложность в изучении древних святилищ заключается в том, что каждый их исследователь неизбежно сталкивается с проблемой соотношения сакрального и обыденного. Раскопки в Каповой пещере под палеолитическими рисунками в зале Знаков, в 200 м от входа, выявили 230 находок. Поскольку они обнаружены непосредственно под рисунками, да еще в 200 м от входа на среднем ярусе пещеры сомневаться в их сакральном характере не приходится. Но как раз здесь мы и встречаемся с первым парадоксом. Если найденные под рисунками бусины, подвески, кусочки охры и глиняная жировая лампа не вызывают сомнений в их культовом назначении, то присутствие в этом комплексе 196 изделий из камня, значительную часть которых составляют невзрачные мелкие отщепы (53 экз.) и чешуйки (67 экз.), не может не вызывать удивления. К тому же трасологический анализ показал, что большая часть отщепов использовалась в работе. Вот здесь и возникает вопрос: а какое, собственно, сакральное назначение обычных отщепов, пластин и сколов в древнем ритуале? Если бы этот комплекс находок был обнаружен не в глубине пещеры под рисунками, а у ее входа, любой археолог определил бы его как следы кратковременных остановок в пещере. Но, тем не менее, этот комплекс является культовым [16].

Здесь необходимо отметить, что пещера Шульган-Таш с выразительными и красочными росписями долгое время считалась единственным культовым памятником палеолитической эпохи. Могут ли быть палеолитические святилища и другого рода — вопрос даже не ставился. И в этом плане Каповая пещера на десятилетия задержала открытие палеолитических святилищ другого типа.

Спустя почти 40 лет после ее открытия, в 1997 г., В. Г. Котов сообщил об открытии в пещере Заповедной (Республика Башкортостан) палеолитического святилища нового типа, в котором центральными культовыми объектами были не настенные красочные рисунки, а демонстрационные комплексы в виде специально уложенных черепов пещерного медведя [7]. В 1999 г. палеолитическое святилище нового типа было открыто автором в Кумышанской пещере на р. Чусовой (Пермский край). Центральным культовым объектом являлся демонстрационный комплекс, состоящий из вертикально поставленного и обложенного камнями черепа дикой лошади. Рядом с ним обнаружены остатки черепа северного оленя и нижняя челюсть мамонтенка, внутри которой был положен зуб шерстистого носорога [18]. В настоящее время палеолитические святилища с демонстрационными комплексами из черепов животных известны в пещере Сикияз-Тамак I (черепа пещерного медведя) (р. Ай, Челябинская обл.), пещере Тайн (черепа пещерного медведя) (р. Березовка,

Пермский край), гроте Малютка (череп пещерного льва) (р. Березовая, Пермский край) [20].

Открытия пещерных палеолитических святилищ происходили случайно, в процессе раскопок пещер. Именно таким образом был обнаружен необычный культовый комплекс в гроте Безымянный (р. Пышма, Свердловская обл.). Набор находок из грота очень специфичен и не имеет аналогий ни в одном пещерном палеолитическом памятнике Урала. Кроме двух каменных изделий в нем найдены скульптурка кошачьего хищника, изготовленная из очень тонкой пластинки бивня мамонта, крупная бусина из трубчатой кости, браслет из отшлифованной костяной пластинки, часть кинжала, проколка и обломки костяного изделия. Первоначально находки трактовались как остатки одного из неоднократных посещения грота людьми верхнего палеолита [11]. Однако впоследствии было высказано предположение о принадлежности костяных изделий и украшений к разрушенному палеолитическому погребению [12]. Следует отметить, что за 75 лет исследований палеолита на Урале ни одного палеолитического погребения так и не было найдено.

Еще одна сложность в исследованиях пещерных палеолитических памятников состоит в том, что практически в каждой уральской пещере в плейстоценовых слоях присутствуют значительные фаунистические комплексы. Обычно археологи и палеобиологи считают их результатом охотничьей деятельности человека. При этом они не обращают внимания на множество деталей и нюансов, связанных с фаунистическими остатками. Каменные изделия в гротах и пещерах Среднего Урала обычно немногочисленны (грот на Медведь-Камне — 1 экз., грот Безымянный — 2 экз., пещера в камне Котел — 4 экз., пещера Туристов — 5 экз., грот Зотинский — 12 экз., Усть-Койвинская пещера — 42 экз. и т. п.) [17]. Из-за небольших размеров среднезауральских пещер и гротов в них не могли прожиться крупные хищники типа пещерного льва и медведя. Но костеносные слои в пещерах часто имеют значительную мощность. В настоящее время представления о накоплении костей в пещерах в результате охоты древнего человека пересматриваются.

Детальное изучение пещерных палеолитических комплексов показывает, что некоторые из них достаточно доказательно можно отнести к культовым. Соответственно и кости в них попадали в результате определенных культовых действий. В пользу этого могут свидетельствовать наличие в пещерах черепов животных, нижних челюстей, зубов. Следует также обращать внимание на особенности топографии пещер и стратиграфию пещерных отложений, а также фаунистический список. Эти же признаки должны учитываться и при анализе пещер, где палеолитических артефактов не обнаружено [14].

Если в изучении культовых пещерных памятников палеолита на Урале наметился определенный прогресс, то о существовании культовых палеолитических памятников открытого типа никто и не подозревал. И опять помогла случайность. В 1972 г. В. Т. Петрин с целью датирования наскальных рисунков на гранитных останках озера Большие

Аллаки (Челябинская обл.) заложил у подножья одного из них раскоп. Ниже слоя с находками голоценового времени неожиданно были обнаружены кости плейстоценовой лошади. Вместе с ними залежали каменные изделия, 78,85 % (164 экз.) которых изготовлено из горного хрусталя. Учитывая необычную топографию памятника, а также наличие на «каменных палатках» культового места, функционировавшего на протяжении нескольких тысячелетий, авторы раскопок допускают, что традиция такого почитания «каменных палаток» могла начаться еще в палеолитическую эпоху [9]. Важность открытия этого памятника еще предстоит осмыслить. Он подсказывает одно из направлений поиска неординарных культовых памятников эпохи палеолита.

На берегах Шайтанского озера (Свердловская обл.) в 1998 г. свердловскими археологами исследовался навес в виде своеобразного грота — Шайтанозерский Каменный Остров I. Под ним обнаружены культурные остатки нескольких эпох от мезолита до железного века. Авторы раскопок пришли к выводу, что культурный слой в нем сформировался в результате частого посещения грота одиночными охотниками [4].

Однако комплекс находок, в особенности остатки защитного доспеха, подвески, наконечники стрел — позволяют усомниться в этом предположении. На взгляд автора, это типичный культовый комплекс, который практически полностью соответствует находкам со скальных святилищ западного берега Шайтанского озера.

Интересным фактом является нахождение в нижнем слое 330 костей плейстоценовых животных. Среди них преобладают кости северного оленя (33,6 %) и уральской лошади (28,5 %). Кости сурка, зайца и сайги составляют соответственно около 17, 10 и 6 %. Кости носорога, бизона и песка представлены единично.

По мнению биологов, накопление плейстоценовых костей происходило в результате жизнедеятельности хищников. Однако автор считает, что этот вопрос требует своего специального рассмотрения. Ведь данный комплекс аналогичен находкам на другом озере — Большие Аллаки. Вполне вероятно, что и в этом случае, несмотря на отсутствие артефактов, кости могли накапливаться в результате культовых действий. Об этом может свидетельствовать фаунистический список (8 видов животных), да и сам состав этого списка. Трудно представить хищника, который бы питался животными от сурка до шерстистого носорога.

Накопление новых находок позволило изменить взгляды археологов на культовую практику местного населения в эпоху палеолита. Новые материалы явственно свидетельствуют о многогранности ритуально-культовой деятельности палеолитического населения Урала.

После открытия палеолитической живописи в Каповой пещере никакого всплеска интереса к пещерам не наблюдалось. И только спустя два десятилетия группой археологов под руководством В. Т. Петрина в результате целенаправленных поисков пещерная живопись была обнаружена

в Игнatieвской пещере (р. Сим, Челябинская обл.) [12]. Пять радиоуглеродных дат (из семи) по углю и костям животных из культурного слоя с глубины 5—50 см сгруппировались в интервале от 13 335 до 14 240 лет назад. В отличие от Каповой пещеры рисунки в Игнatieвской пещере были выполнены в основном черной краской. Тем не менее, после некоторой дискуссии рисунки Игнatieвской пещеры были отнесены к эпохе палеолита. К этому же времени были отнесены пятна краски из 2-й Серпиевской пещеры (р. Сим, Челябинская обл.), открытые группой В. Т. Петрина в 1982 г.

Единственным специалистом, который сомневался в палеолитическом возрасте росписей Игнatieвской пещеры, был А. А. Формозов. Проанализировав сюжеты рисунков и культурные остатки в пещере, он показал, что существует, по меньшей мере, 8 вариантов датирования изображений [22].

Сомнения А. А. Формозова оказались правыми. В 1998 г. группой сотрудников из Техасского A&M университета из Игнatieвской пещеры были отобраны образцы красок для прямого изотопного датирования. Образцы взяты от трех черных и одного красного рисунков. Результаты анализов были опубликованы в 2003 г. Продатировать красный рисунок женщины из-за малого количества углерода не удалось. А даты черных красок, взятых из рисунка мамонта и двух линий, показали, что сомнения специалистов в палеолитическом возрасте росписей Игнatieвской пещеры имели для этого все основания. Полученные даты оказались в лучшем случае мезолитического возраста: 7370 ± 50 (4RU292), 7920 ± 60 (4RU291) и 6030 ± 100 (4RU318). Тем не менее, авторы датировок считают, что самым очевидным свидетельством палеолитического возраста рисунков Игнatieвской пещеры является наличие среди них изображений плейстоценовых животных. По поводу полученных датировок они выдвигают три предположения, объясняющих столь поздние даты рисунков: «1) Мамонтовая фауна могла доживать на Урале до ранних постледниковых периодов; 2) изображения не базировались на живых мамонтах; 3) Возможно, рисунки подводились в более поздние периоды, что делает радиоуглеродные датировки бессмысленными, а возраст мотивов более молодым, чем начальных изображений» [24]. Спустя 10 лет В. Н. Широков попытался доказать палеолитический возраст рисунков на основании стилистических особенностей изображений. Он опять возвращается к радиоуглеродным датам палеолитического слоя пещеры и к анализу комплекса каменных изделий [25]. Все это доказывает наличие палеолитического слоя в пещере, но никак не объясняет поздние изотопные даты рисунков.

Еще более острая ситуация с культовыми памятниками эпохи мезолита. Наиболее достоверными характеристиками культовых памятников является их топография и наличие изделий неутилитарного назначения. К таким изделиям чаще всего относят произведения искусства и украшения.

Сразу необходимо отметить, что голоценовые отложения на Урале имеют незначительную мощность, редко превышают 0,4—0,5 м. Очень часто древнее население осваивало в разные эпохи одни

и те же места, комфортные для проживания. Это приводило к смешению разновременных комплексов. Однослойные памятники на территории Урала встречаются крайне редко. Поэтому отнесение предметов неутилитарного характера к той или иной эпохе часто вызывает сомнения.

Такая же ситуация характерна и для культовых памятников. Одни и те же места могли использоваться и использовались в сакральных целях многие сотни и тысячи лет. В таких условиях определить хронологическую принадлежность одного или нескольких предметов очень проблематично.

Самым ярким культовым памятником мезолитической эпохи на Урале является святилище в пещере на камне Дыроватом (р. Чусовая, Свердловская обл.). Мезолитический комплекс составляют около 5 тысяч костяных (преобладают) и каменных наконечников стрел. Возможно, в эпоху мезолита это святилище являлось сакральным центром межплеменного характера [13].

Но мезолитических святилищ такого масштаба на Урале больше неизвестно. Где же искать культовые памятники мезолитической эпохи? Выше говорилось, что основными объектами сакрализации на Урале становились различные скальные образования, в том числе пещеры, горы и скалы.

Действительно, целый ряд уральских пещер содержит незначительные комплексы эпохи мезолита. На Северном Урале — это Лобвинская (Шайтанская) (р. Лобва — 62 обломка костяных наконечников), Шайтанская (р. Ивдель — 5 костяных наконечников и 19 микропластинок-вкладышей) и Лаксейская пещеры (5 костяных наконечников). Большая часть наконечников представлена обломками. На кончиках острий присутствуют сколы от попаданий в камень, что может свидетельствовать о ритуальных действиях в виде стрельбы в пещеру из лука [23].

На Среднем Урале следы мезолитических ритуалов зафиксированы в семи пещерах р. Чусовой. Оригинальный культовый комплекс обнаружен в гроте Большой Глухой — самом большом гроте на р. Чусовой (Пермский край). На его восточной стене выявлено два пятна красной и желтой краски. Культурный слой был окрашен охрой и насыщен раздробленными костями животных. Рядом с кострищем найдены костяная подвеска, две бусины из перламутра, нуклеус и две микропластинки. Под пятнами краски зафиксированы сложенные горкой кости куницы, несколько десятков нижних челюстей куницы и 12 трахейных костей. Слой имеет радиоуглеродную дату 10607 ± 158 (ИЭМЖ-1049) [19].

В остальных пещерах и гротах (гроты Дождевой и Денежный, пещеры Туристов, Котел, Кумышанская, Усть-Койвинская) комплексы мезолитических изделий очень малочисленны и однообразны. Только в Кумышанской пещере (Пермский край) раскопки выявили 2 обломка костяных наконечников, каменный наконечник и геометрический микролит в виде асимметричной трапеции, который также использовался в качестве наконечника стрелы. Комплексы других пещер представлены обычно двумя— семью микропластинками-вкладышами, нуклеусами и поперечными сколами с нуклеусов [19].

Наконечники стрел, их обломки и части (вкладыши) вполне достоверно можно связать с ритуальными действиями. Реконструкция обряда стрельбы из лука в сторону пещеры на примере святилища на камне Дыроватом показала, что стрелы, в основном, являлись жертвенным даром духу пещеры [13]. В таком же качестве они выступали и в путевых пещерных святилищах.

Но какую сакральную нагрузку могли нести нуклеусы? В данном контексте его можно рассматривать как своеобразный «склад» будущих вкладышей, т.е. составных частей наконечника стрелы. Тогда поперечные сколы с нуклеусов могли являться своеобразными «знаками» нуклеусов. Обломки наконечников, каменные вкладыши, поперечные сколы с нуклеусов — вполне соответствуют ритуалу жертвоприношения «часть вместо целого».

На Южном Урале голоценовые слои в пещерах исследованы и опубликованы очень слабо. Но и здесь опубликованные мезолитические комплексы не отличаются от материалов пещер Северного и Среднего Урала. В Бурановской пещере еще в 1939 г. было найдено 21 сечение микропластинок, которые являлись вкладышами костяных наконечников. Слой с вкладышами перекрывал погребение с подвесками, по размерам и минеральному сырью необычными для Урала. 35 каплевидных подвесок были изготовлены из зеленовато-голубоватого опита, мягкой разновидности змеевика (серпентинита), и имели размеры от 3 до 7 см [3]. Вполне вероятно, что погребение также имеет мезолитический возраст.

Вершины гор в мезолитическую эпоху по неизвестным пока причинам не являлись объектами культа. Единичные мезолитические изделия на вершинах гор известны, но они являются свидетельствами вторичного использования древних артефактов.

В 1969 г. в Республике Коми в необычных топографических условиях, на вершине 32-метровой скалы был найден мезолитический комплекс, в который входили 3 нуклеуса, 157 микропластинок и 78 отщепов (стоянка Адак II, р. Уса). В центре раскопа обнаружено большое количество кальцинированных костей, но следов очага не зафиксировано. Уже в то время памятник признали уникальным и отнесли к новому типу — скальным поселениям [6]. В связи с накоплением мезолитических материалов данный комплекс вполне достоверно можно отнести к культовым объектам.

В начале XXI века многолетние исследования берегов Шайтанского озера (Свердловская обл.) выявили новый тип культовых памятников, расположенных на так называемых шиханах — нагромождениях гранитных валунов высотой 7—12 м. Топография памятников и комплексы находок неопровержимо свидетельствуют, что в энеолите — раннем железном веке на шиханах происходили ритуально-обрядовые действия. На двух шиханах найдены погребально-жертвенные комплексы эпохи энеолита и раннего железа; на всех шиханах присутствуют остатки человеческих жертвоприношений и культовая металлопластика [21].

Но на всех шиханах зафиксированы и незначительные мезолитические комплексы. Большой

интерес вызывает тот факт, что типологические наборы на шиханах полностью идентичны комплексам в пещерных святилищах: нуклеусы, микропластинки-вкладыши и каменные наконечники стрел [21]. Типологическая однородность наборов в пещерах и на шиханах явственно свидетельствует, что они были сформированы путем целенаправленного отбора. Все эти наборы выражают некие заключенные в их совокупности идеи и являются частью определенного ритуала [1].

Таким образом, полученные материалы позволяют говорить не только о новом типе культовых скальных памятников, но и о том, что ритуальные действия на них начинаются уже в эпоху мезолита.

Еще один тип культовых мезолитических памятников можно найти у подножья скал с нанесенными на них рисунками — писаницами. В настоящее время скалы с рисунками и жертвенные места у их подножья рассматриваются как древние святилища. В. Н. Чернецов, известный исследователь уральских писаниц, относил их возникновение к раннему неолиту. Эту дату он обосновывал сходством геометрических узоров на скалах и вкладышевых наконечниках стрел, которые в его время относили к раннему неолиту [26]. Достоверные мезолитические памятники были открыты уже после смерти В. Н. Чернецова. Тогда же был доказан и мезолитический возраст вкладышевых наконечников стрел.

Датировку писаниц могли бы уточнить раскопки у подножья скал с рисунками. Однако такие раскопки производились очень редко и в основном в дореволюционное (В. Я. Толмачев) и довоенное (А. И. Тереножкин, Д. Н. Эдинг) время. Результаты раскопок оставались неопубликованными, а если и публиковались, — то частично и выборочно [26]. Современные раскопки под писаницами никаких материалов для установления ранней даты писаниц не дают. Возможно, это связано с тем, что площадки под писаницами исследуются только шурфами.

Тем не менее, даже незначительные по масштабам раскопки показали наличие под писаницами материалов мезолитического времени. Так, Под Писаным камнем на Вишере найдены 3 нуклеуса и около 30 пластинок микролитовидного облика [2]. Еще более выразительные материалы обнаружены В. Я. Толмачевым и В. Т. Петриным при раскопках под писаницами на озере Большие Аллаки. Среди находок не менее 15 микропластинок-вкладышей и около десятка наконечников стрел [2; 10]. Особую группу наконечников составляют асимметричные трапеции с боковыми выемками — 7 экз. У всех трапеций кончик острия поврежден от удара о скалу. Аналогичные трапеции в настоящее время зафиксированы в однослойных мезолитических памятниках.

Однако здесь существует проблема, о которой нельзя не сказать. Дело в том, что в древности часто объектами сакрализации становились и отдельные скалы без всяких рисунков. Предпочтение отдавалось камням и скалам, имеющим зооморфные или антропоморфные очертания. Такие скалы достаточно хорошо известны и на территории Урала [15]. Среди скал на берегу озера Большие Аллаки есть

несколько, имеющих очертания человеческих черепов. Поэтому их сакрализация могла произойти и до появления на них рисунков. Впрочем, как и других скал, на которых сейчас имеются рисунки.

Это тем более вероятно, потому что, определяя раннюю дату рисунков на скалах неолитом и даже мезолитом, все известные исследователи уральских писаниц (В. Н. Чернецов, В. Т. Петрин, В. Н. Широков) до сих пор не предъявили ни одного рисунка или сюжета, который они бы отнесли к мезолиту.

Анализ культовых памятников палеолита и мезолита неопровержимо свидетельствует, что ритуальная практика древнего населения Урала в эти эпохи была достаточно разнообразной. Оформление сакрального пространства на культовых памятниках сильно различается. А это свидетельствует о ярко выраженной индивидуальности ритуалов и обрядов, проводимых в святилищах. Выяснить специфику каждого культового комплекса и памятника — это первоочередная задача будущих исследований.

Литература и источники

1. Антонова, Е. В. *Археология и семиотика / Е. В. Антонова, Д. С. Раевский // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Т. 1. — Донецк : ДонГУ, 2002. — С. 11—26.*
2. Бадер, О. Н. *Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере / О. Н. Бадер // Советская археология. — 1954. — Т. XXI. — С. 241—258.*
3. Бибииков, С. Н. *Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала / С. Н. Бибииков // Советская археология. — 1950. — Т. XIII. — С. 95—138.*
4. Волков, Р. Б. *Гранитный грот (навес) Шайтанозерский Каменный Остров I / Р. Б. Волков, Н. Г. Ерохин, Н. Р. Тихонова // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып. 3. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. — С. 110—116.*
5. *Древние святилища: археология, ритуал, мифология : материалы междунар. науч. симпозиума. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. — С. 4—40.*
6. Канивец, В. И. *Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе / В. И. Канивец // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. — Вып. IV. — Сыктывкар, 1973. — С. 3—23.*
7. Котов, В. Г. *Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале / В. Г. Котов // Российская археология. — 2012. — № 2. — С. 15—25.*
8. Ляхницкий, Ю. С. *Сокровище палеолита: рисунки и знаки пещеры Шульган-Таш / Ю. С. Ляхницкий. — Уфа : Китап, 2008. — 188 с.*
9. Петрин, В. Т. *Верхнепалеолитический комплекс из горного хрусталя с юго-восточного побережья озера Большие Аллаки (Южный Урал) / В. Т. Петрин, Т. И. Нохрина, Н. А. Кулик, И. В. Усачева // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — № 4 (52). — С. 28—40.*
10. Петрин, В. Т. *Новые наскальные изображения Урала / В. Т. Петрин // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. — Новосибирск : Наука, 1986. — С. 99—132.*
11. Петрин, В. Т. *Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала / В. Т. Петрин, Н. Г. Смирнов // Вопросы археологии Урала. — Вып. 14. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1977. — С. 56—71.*

12. Петрин, В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале / В. Т. Петрин. — Новосибирск : Наука, 1992. — 207 с.

13. Сериков, Ю. Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом / Ю. Б. Сериков // *Этнографическое обозрение*. — 2007. — № 6. — С. 142—155.

14. Сериков, Ю. Б. К вопросу о характере накопления фаунистических остатков эпохи плейстоцена в пещерах Среднего Урала / Ю. Б. Сериков // *Эволюция жизни на Земле : материалы IV междунар. симпозиума* — Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. — С. 651—653.

15. Сериков, Ю. Б. Культовые камни и мегалитические сооружения Урала // *Археология сакральных мест России : сб. тез. докладов междунар. науч. конф.* — Архангельск : Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2016. — С. 14—18.

16. Сериков, Ю. Б. Об использовании уральских пещер в древности (к вопросу о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов) / Ю. Б. Сериков // *Экология древних и традиционных обществ : доклады конф.* — Вып. 3. — Тюмень : Вектор Бук, 2007. — С. 128—132.

17. Сериков, Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2000. — 430 с.

18. Сериков, Ю. Б. Палеолитическое святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) / Ю. Б. Сериков // *Проблемы первобытной культуры*. — Уфа : Гилем, 2001. — С. 106—112.

19. Сериков, Ю. Б. Пещерные святилища реки Чусовой / Ю. Б. Сериков. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. — 368 с.

20. Сериков, Ю. Б. Становление ритуально-культурной практики у палеолитического населения Урала / Ю. Б. Сериков // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. — Вып. 1. — Барнаул : Азбука, 2007. — С. 7—24.

21. Сериков, Ю. Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности / Ю. Б. Сериков. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2013. — 408 с.

22. Формозов, А. А. О датировке росписей в Игнатьевской пещере на Урале / А. А. Формозов // *Российская археология*. — 2000. — № 1. — С. 215—217.

23. Чаиркин, С. Е. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья / С. Е. Чаиркин, М. Г. Жилин // *Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья*. — М. : Academia, 2005. — С. 252—273.

24. Широков, В. Н. Игнатьевская пещера : первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков / В. Н. Широков, М. W. Rowe, K. L. Steelman, J. R. Southon // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. — Екатеринбург : Аква-Пресс, 2003. — С. 67—72.

25. Широков, В. Н. Искусство ледникового века. Игнатьевская и Сергиевская 2 пещеры на Южном Урале / В. Н. Широков, В. Т. Петрин. — Екатеринбург : Ажур, 2013. — 190 с.

26. Чернецов, В. Н. Наскальные изображения Урала / В. Н. Чернецов. — М. : Наука, 1971. — 120 с.

СЕРИКОВ Юрий Борисович, доктор ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле) (г. Нижний Тагил, Российская Федерация). E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Поступила в редакцию 20 ноября 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh190107

CULTIC PALEOLITHIC AND MESOLITHIC SITES OF URAL: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF RESEARCH

Y. B. Serikov, u.b.serikov@mail.ru

Russian State Professional-Pedagogical University (Nizhniy Tagil branch), Nizhniy Tagil, Russian Federation

All cultic Paleolithic sites which were found in Ural region are connected with rocks objects. More often such natural objects were caves. Kapova cave with its realistic Paleolithic painting is the brightest among them. Cave sanctuaries which contain complexes of animal's craniums of Pleistocene epoch (bear, lion, wild hors) belong to another type. Such complexes were found in South (caves Zapovednaya, Sikijas-Tamak) and Middle (caves Kumishanskaya, Tajin, Malutka) Ural as well.

From one side cultic Mesolithic sites continues the Paleolithic tradition of using of cave painting in rituals (grotto Bolshoy Gluhoy, Ignatievskaja cave supposed). From the other side appear cave sanctuaries on which the ritual of shooting with a bow towards a cave was the main. In this ritual arrows served as sacrifice gifts for the spirit of the cave, but they could have different semantic contain. The most brightly this ritual was presented at the unique cave sanctuary in Rock Dirovatij (Chusovaya River) where more then 5 thousand Mesolithic bone and stone arrowheads were found.

Sanctuaries at so called shichans — conglomerations of granite boulders up to 10 metros height is the new type of sites of this epoch. Such sanctuaries were found on the shores of Shaytanskoe Lake in Sverdlovsc region. One more type of cultic Mesolithic sites we can fined at the foot of rocks with pictures painted on them.

For studying not ordinary Paleolithic and Mesolithic cultic sites it is necessary to create complex programs of research and also to generate teams of specialists for studying this sanctuaries

Keywords: cultic sites, caver, rock, shichan, rock painting, cranium, arrowhead.

References

1. Antonova E. V., Raevskii D. S. *Arkheologiya i semiotika* [Archaeology and semiotics]. Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii [Structural and semiotic research in archeology]. Vol. 1. Donetsk: Donetsk National University, 2002, pp. 11—26.
2. Bader O. N. *Zhertvennoe mesto pod Pisanyim kamnem na r. Vishera* [Sacrificial place under Pisany Stone on Vishera river]. Sovetskaia arkheologiya [Soviet archeology]. 1954, Vol. XXI, pp. 241—258.
3. Bibikov S. N. *Neoliticheskie i eneoliticheskie ostatki kul'tury v peshcherakh Iuzhnogo Urala* [Neolithic and Eneolithic remains of culture in caves of the South Ural]. Sovetskaia arkheologiya [Soviet archeology]. 1950, vol. XIII, pp. 95—138.
4. Volkov R. B., Erokhin N. G., Tikhonova N. R. *Granitnyi grot (naves) Shaitanozerskii Kamennyi Ostrov I* [Granite grotto (overhang) Shaitanozerskiy Stone Island I]. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale [Safeguard archeological research on Middle Ural]. Iss. 3. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 1999, pp. 110—116.
5. *Drevnie sviatilishcha: arkheologiya, ritual, mifologiya. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* [Ancient sanctuaries: Archaeology, ritual, mythology. Materials of International scientific Symposium]. Ufa: Institute for the History, Language and Literature Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2016, pp. 4—40.
6. Kanivets V. I. *Mezoliticheskie stoianki na Srednei Pechore i Use* [Mesolithic sites on Middle Pechora and Usa]. Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka [Materials about archeology European South-East]. Iss. IV. Syktyvkar, 1973, pp. 3—23.
7. Kotov V. G. *Paleoliticheskoe sviatilishche v peshchere Zapovednaia na Iuzhnom Urale* [Palaeolithic Sanctuary in the Zapovednaya cave in the Southern Urals]. Rossiiskaia arkheologiya [Russian Archaeology]. 2012, № 2, pp. 15—25.
8. Liakhnitskii Iu. S. *Sokrovishche paleolita: risunki i znaki peshchery Shul'gan-Tash* [Treasure of the Palaeolithic period. Figures and signs from the Shulgan Tash cave]. Ufa: Kitap, 2008, 188 p.
9. Petrin V. T., Nokhrina T. I., N. A. Kulik N. A., Usacheva I. V. *Verkhnepaleoliticheskii kompleks iz gornogo khrustalia siugo-vostochnogo poberezh'ia ozera Bol'shie Allaki (Iuzhnyi Ural)* [Upper Paleolithic rock crystal complex from the Southern-Western shore of the Lake Bolshie Allaki (Southern Ural)]. Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2012, № 4 (52), pp. 28—40.
10. Petrin V. T. *Novye naskal'nye izobrazheniia Urala* [New rock images of Ural]. Problemy arkheologii Severnoi i Vostochnoi Azii [Problems of archeology of North and East Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 99—132.
11. Petrin V. T., Smirnov N. G. *Paleoliticheskie pamiatniki v grotakh Srednego Urala i nekotorye voprosy paleolitovedeniia Urala* [Paleolithic sites in grottos of the Middle Ural and some questions of Ural paleolatitude]. Voprosy arkheologii Urala [Questions of the Ural archaeology]. Iss. 14. Sverdlovsk: Ural State University, 1977, pp. 56—71.
12. Petrin V. T. *Paleoliticheskoe sviatilishche v Ignatievskoi peshchere na Iuzhnom Urale* [Palaeolithic Sanctuary in the cave Ignatievskaya in the South Urals]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 207 p.
13. Serikov Iu. B. *K voprosu o semantike nakonechnikov strel s peshchernogo sviatilishcha na Kamne Dyrovatom* [On the Semantics of arrowheads from the cave sanctuary at Stone Dyrovaty] Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2007, № 6, pp. 142—155.
14. Serikov Iu. B. *K voprosu o kharaktere nakopleniia faunisticheskikh ostatkov epokhi pleistotsena v peshcherakh Srednego Urala* [To the question about the character of accumulation of faunal remains in Pleistocene epoch in caves of the Middle Ural]. Materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma «Evolutsiia zhizni na Zemle» [Materials of IV International symposium «Evolution of life on the earth»]. Tomsk: TML-Press, 2010, pp. 651—653.
15. Serikov Iu. B. *Kul'tovye kamni i megaliticheskie sooruzheniia Urala* [Cultic stones and megalithic structures of Ural]. Arkheologiya sakral'nykh mest Rossii: sbornik tezisov dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Archeology of sacral places of Russia: book of abstracts of the international scientific conference]. Arkhangelsk: Solovetskiy State history-architectural and natural museum-reserve, 2016, pp. 14—18.
16. Serikov Iu. B. *Ob ispol'zovanii ural'skikh peshcher v drevnosti (k voprosu o sootnoshenii proizvodstvenno-bytovykh i kul'tovykh kompleksov)* [About using ural cavers in ancient time (to the question about ratio industrial-household and cultic complexes)]. Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obschestv. Doklady konferentsii [Ecology of ancient and traditional societies. Conference reports]. Iss. 3. Tyumen: Vektor Buk, 2007, pp. 128—132.
17. Serikov Iu. B. *Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ia* [Paleolithic and Mesolithic of the Middle Transural]. Nizhny Tagil: NTGSPA, 2000, 430 p.
18. Serikov Iu. B. *Paleoliticheskoe sviatilishche na r. Chusovoi (pervye rezul'taty issledovaniia)* [Paleolithic sanctuary on Chusovaya river (preliminary results of research)]. Problemy pervobytnoi kul'tury [Problems of primitiv culture]. Ufa: Gilem, 2001, pp. 106—112.
19. Serikov Iu. B. *Peshchernye sviatilishcha reki Chusovoi* [Cave sanctuaries of the river Chusovaya]. Nizhny Tagil: NTGSPA, 2009, 368 p.
20. Serikov Iu. B. *Stanovlenie ritual'no-kul'tovoi praktiki u paleoliticheskogo naseleniia Urala* [Becoming of ritual-culture practice by Paleolithic population of Ural]. Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive [Outlook of population of South Siberia and Central Asia in historical retrospective]. Iss. 1. Barnaul: Azbuka, 2007, pp. 7—24.
21. Serikov Iu. B. *Shaitanskoe ozero — sviashchennoe ozero drevnosti* [Shaitanskoje lake — the sacral lake of the Ancient time]. Nizhny Tagil: NTGSPA, 2013, 408 p.
22. Formozov A. A. *O datirovke rospisei v Ignatievskoi peshchere na Urale* [About dating of paintings in Ignatievskaya cave on Ural]. Rossiiskaia arkheologiya [Russian Archaeology]. 2000, № 1, pp. 215—217.
23. Chairkin S. E., Zhilin M. G. *Mezoliticheskie materialy iz peshchernykh pamiatnikov lesnogo Zaural'ia* [Mesolithic materials from cave sites of Transural forest zone]. Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia [Stone Age of the forest zone of the East Europe and Transural]. Moscow: Academia, 2005, pp. 252—273.

24. Shirokov V. N., Rowe M. W., Steelman K. L., Southon J. R. *Ignatievskaya peshchera: pervye priamye radiouglerodnye datirovki nastennykh risunkov* [Ignatievskaya cave: the first direct datings of wall paintings]. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh* [Images and sacred space of ancient epochs]. Ekaterinburg: Akva-Press, 2003, pp. 67—72.

25. Shirokov V. N., Petrin V. T. *Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Iuzhnom Urale* [Ice age art. Ignatievskaya and Serpievskaya 2 caves in the South Urals]. Ekaterinburg: Azhur, 2013, 190 p.

26. Chernetsov V. N. *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rocs images of Ural]. Moscow: Nauka, 1971, 120 p.

Received November 20, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сериков, Ю. Б. Культовые памятники палеолита — мезолита Урала: проблемы и перспективы исследования / Ю. Б. Сериков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 1. — С. 44—51. DOI: 10.14529/ssh190107

FOR CITATION

Serikov Y. B. Cultic paleolithic and mesolithic sites of Ural: problems and perspectives of research. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 1, pp. 44—51. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190107